

ИВАН ЛЮБЕНКО

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА СМЕРТЬЮ

КНИГА ВТОРАЯ

ВИЗИТЁР
ИЗ САН-ФРАНСИСКО

Клим Ардашев

Иван Любенко

**Путешествие за смертью. Книга
2. Визитёр из Сан-Франциско**

«Автор»

2022

Любенко И. И.

Путешествие за смертью. Книга 2. Визитёр из Сан-Франциско /
И. И. Любенко — «Автор», 2022 — (Клим Ардашев)

В детективное агентство Клима Ардашева в Праге явился американский миллионер Джозеф Баркли. Посетитель жалуется, что ещё в Нью-Йорке подвергся шантажу и вымогательству со стороны некоего Морлока. Злоумышленник прислал банкиру преysкурaнт жизни на ближайший месяц. Джозеф Баркли просит отыскать преступника, начавшего смертельную игру теперь и в Европе. Как удаётся Морлоку убивать на расстоянии? В этом предстоит разобраться частному детективу Климу Ардашеву, продолжающему одновременно заниматься расследованием контрабанды царского золота через Таллин и Стокгольм.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	20
I	20
II	23
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	29
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Иван Любенко

Путешествие за смертью

Книга 2

Визитёр из Сан-Франциско

И тонкий волос тенью обладает¹.
Публий Сир

Выражаю благодарность Павлу Кулагину и Климу Агаркову

Глава 1

Возвращение

Осенний ветер гулял по черепичным крышам Праги и иногда заглядывал в окна. Через открытую форточку шумливый бродяга залетел в «Дом у Ротта» на Малой площади, где за обеденным столом завтракала семья Ардашевых.

Вероника Альбертовна, встретив ночью супруга, теперь не могла на него наглядеться. Все прошедшие дни у неё прошли в тревоге. Просыпаясь среди ночи от кошмаров, она истово молилась и просила Господа уберечь её мужа от беды. От нашествия дурных мыслей отвлекали лишь приятные минуты общения с Пашей. Они вместе гуляли по городу, ходили в зоопарк и синематограф. И всё ждали, ждали возвращения Клим из командировки. Теперь всё позади, и дружная семья собралась за одним столом. Казалось, счастье воротилось в дом надолго.

За прошедший год Павел повзрослел и, видя доброе к себе отношение Ардашевых, стал их считать своими вторыми родителями. Это было его собственное решение. В тот момент, когда он впервые назвал Веронику Альбертовну «мамой», она не удержалась и по её лицу, показались слёзы, точно капли дождя по стеклу. От нахлынувшей радости она принялась покрывать макушку мальчика поцелуями.

Оказалось, что Павлик тоже соскучился по Климу Пантелеевичу и, завидев его, бросился к нему на шею. В этот миг между «отцом» и «сыном» исчезла последняя частичка вежливой сухости в общении.

– Как вы тут без меня поживали? – намазывая маслом булку, осведомился Клим Пантелеевич.

– Мы зря время не теряли, – улыбаясь вымолвила Вероника Альбертовна и налила мужу чай. – Ходили в зверинец, смотрели фильму «Последний из могикиан» и даже начали учить алфавит. Я отыскала в «Славянском книжном магазине Франца Говорка» «Русскую азбуку» Сытина 1910 года издания.

– А скажи, Павлик, кто тебе из зверей больше всего понравился?

– Жирафа.

– А почему?

– Она выше всех. И волка первая увидит. Она убежит, а другие останутся. Волк их и задерёт.

– Грустно рассуждаешь, сынок, – улыбнулся Ардашев. – Жирафа от волка может копытами отбиться.

Павел прожевал и, глядя в потолок, согласился:

– Да, пап, у неё длинные ноги. Такими ногами грех серого не забить.

- А сколько ты букв выучил, Паша? – спросил отец.
- Не знаю. Не считал. Я только до двенадцати пока считать умею, – откровенно признался малец и отодвинул тарелку. – Мама, я наелся. Можно я пойду поиграю?
- Да, сынок. А стишок из азбуки папе расскажешь?
- Про кораблик? Или про бедняка?
- Про кораблик, Пашенька, про кораблик.

Мальчик слез со стула, молча прошёл на середину комнаты и, вытянув руки по швам, громко прочитал:

Ветер, по морю гуляет
И кораблик подгоняет.
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого.
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят².

Ардашев захлопал в ладоши.

– Какой молодец! Спасибо за стихотворение. Мне очень понравилось. Иди играй, сынок. Малыш мигом скрылся в своей комнате.

– Клим, ты больше никуда не уедешь? – подняв на мужа умоляющий взгляд, спросила Вероника Альбертовна.

– Не знаю, – он пожал плечами. – В Таллине всё получилось не так, как я хотел. Надо исправлять ошибку. Но когда и куда конкретно придётся отправиться, мне не ведомо. Жду информацию. Как только её получу, тотчас тебе об этом скажу. Не волнуйся. Всё будет хорошо.

Клим Пантелеевич поднялся.

– Спасибо за завтрак, милая. Спускаюсь в контору. Вацлав, наверное, заждался.

– Да-да. Он уж точно извёлся. Уверена, что ему не терпится поведать тебе, как он помог инспектору Яновицу отыскать убийцу. Бедная Мария уже слышала эту историю раз десять, но он никак не может уговориться и опять её нам пересказывает, добавляя, правда, всё новые и фантастические детали. По-моему, даже Паша уже выучил наизусть его хвастливую байку. Но что поделать? Нам ничего не остаётся, как притворяться, что восхищены его гениальной логикой.

– Просто сгораю от нетерпения!

– Тебя ждать на обед?

– Нет, много дел.

Ардашев поцеловал в щёку жену и покинул квартиру. Спустившись по лестнице, он вошёл в контору.

Войта, завидев Клина Пантелеевича, вскочил со стула и воскликнул радостно:

– Мария, шеф вернулся! Живой и невредимый. Слава Святому Вацлаву! Не зря я просил его сохранить вас и каждый день ему молился!

– Так уж и молился? – хитро шурясь, усомнился Клим Пантелеевич.

– Мария не даст соврать! – выпалил тот и перекрестился.

В дверях появилась секретарь.

---

² А. С. Пушкин «Сказка о царе Салтане».

– Правда-правда, Клим Пантелеевич, каждый день только вас и вспоминал, – с улыбкой подтвердила Мария и спросила: – Может быть, кофе?

– Две чашки нам, – велел бывший полицейский.

– Вацлав, а где «пожалуйста»? – удивился Ардашев.

– Достопочтенная госпожа, пожалуйста, во имя всего святого, будьте любезны не отказать двум уважаемым частным детективам обратиться к вашей всемилостивейшей особе с нижайшей просьбой: позвольте вкусить аромат кофейного напитка, приготовленного по вашему несравненному рецепту, – кланяясь, сморозил Войта.

– Рецепт не мой, а Клим Пантелеевича, – улыбнулась секретарь и исчезла за дверью.

Ардашев устроился в кресле, достал коробочку ландрина и спросил:

– Какие новости, друг мой?

Помощник торжественно уселся напротив, положил руки на колени и начал вещать:

– Во-первых, пока вас не было, в нашей конторе установили пневмопочту. Теперь мы имеем возможность получать письма и даже небольшие бандероли в виде капсул, присланных силой сжатого воздуха с любого конца Праги по чугунным трубам в считанные минуты. Кроме того, мы и сами можем такую корреспонденцию отсылать. Мария по моему поручению купила два десятка почтовых марок для наклеивания на тубы. Их нам доставили на первый раз бесплатно, но только десять штук. Они продаются на Главпочтамте. Надеюсь, вы заметили в секретарской небольшую трубу под столом Марии у самой стены?

– Естественно, нет. Я представляю, как бы она удивилась, если бы я, зайдя в контору ни с того ни с сего заглянул бы ей под стол. Иногда, мой друг, вы говорите странные вещи, – покачал головой Клим Пантелеевич.

– Понятно-понятно. Это я распорядился вывести трубу так, чтобы она не была видна. Когда приходит послание, то раздаётся громкий щелчок. Я и подумал, что не стоит тянуть трубопровод в кабинет, потому что посторонний звук может помешать вашим размышлениям. Забыл сказать: для того чтобы отправить корреспонденцию, нужно свернуть письмо в трубочку, поместить в капсулу и, написав на ней адрес, наклеить марку. Потом следует вложить послание в специальный проём чугунной трубы, он похож на отверстие ствольной коробки винтовки Мосина, и повернуть кран, то есть своеобразный ружейный затвор. Капсула через одну-две минуты попадёт в центральную диспетчерскую службу, а оттуда уже будет направлена либо напрямую адресату, либо в отделение городской почты, откуда её доставит почтальон.

– Благодарю, Вацлав, за столь подробное объяснение. Должен признаться, что я хорошо знаком с устройством пневматической почты. Мне даже известно, что одна английская компания устроила показную рекламу пневматической грузовой дороги в Лондоне. По тридцатидюймовым трубам им удалось перевезти груз общим весом почти в три тонны и даже парутройку пассажиров. Смелчаки лежали горизонтально на специальной четырёхколёсной вагонетке. Это произошло, если я не ошибаюсь в районе Баттерси, в год, когда в России только что отменили крепостное право.

– Замечу, шеф, что Россия, в смысле внутренней и внешней политики в данный момент является образцом для других стран, как не надо жить.

– Не знаю, – вздохнул Ардашев. – Я люблю свою страну, но сейчас она тяжело болеет. Россия заражена большевизмом, поэтому я в Праге, а не в Петрограде или Ставрополе.

Бывший присяжный поверенный прищурил правый глаз и спросил:

– Других новостей, стало быть, нет?

– Как же нет, патрон! Я начал с пустяков, а самое главное оставил на закуску. Излагать?

– Несомненно.

– Не буду ходить вокруг да около, а начну с главного, – потеряв ладони, вымолвил сыщик. – Я раскрыл убийство всего за четверть часа.

– Хотите сказать, что вы оказались свидетелем злодеяния? – положив под язык зелёную конфетку, осведомился Ардашев.

– Ну зачем вы так, босс? – поморщился Войта. – Меня и в помине не было на месте преступления, хотя будущего убийцу я, действительно, в тот вечер видел.

– Это как же?

– Всё произошло сразу после вашего отъезда. А дело было так: мы сидели с инспектором Яновицем в «Трёх дикарях» и пили «Пльзеньское». А за соседним столиком вдруг стал разыгрываться нешуточный спор между кельнером и посетителем. Я прислушался. Оказывается, этот выпивоха уже опрокинул десять кружек, а утверждал, что только девять. Но, согласно счётчику пива, ему и в самом деле принесли десять кружек, только вот у него десятого квадрата-то и не было.

– Простите, Войта, а что это за счётчик?

– Изобретение очень простое. Иногда захмелевший посетитель уже не помнит, сколько кружек пива он опустошил, а плуты официанты часто этим пользуются, дописывая в счёт лишние заказы. Во избежание подобного обмана в «Трёх дикарях» на гостя заводится специальный листок с наименованиями разных сортов этого напитка. Каждый сорт имеет свой цвет, и под его названием – десять отрывных квадратиков с зубцами, как у почтовых марок, и с нумерацией от одного до десяти. Считается, что десять кружек – предел. И одиннадцатую уже заказывать нельзя, потому что гость просто потеряет рассудок, хотя... – Войта замолчал на миг, поглаживая себя по животу, – я бы с этим, конечно, поспорил, но не это главное. Итак, при расчёте официант приносит карту с оторванными местами, а клиент предъявляет все помеченные цифрами квадратики. Понятно, что в конце вечера можно сверить количество заказов и количество фактически выпитого пива.

– А у них, как я понимаю, не сошлось?

– Шеф, вы чертовски проницательны, – хохотнул Вацлав. – Конечно! В итоге скандальный посетитель хлопнул дверью. А минут через пятнадцать Яновиц и я потянулись к выходу. Пройдя метров триста по Ржетезовой улице мы наткнулись на ещё тёплый труп прилично одетого молодого человека. Судя по ране, нож вошёл бедолаге прямо в сердце. И никаких следов. Инспектор расстроился. И вдруг я заметил на земле маленький розовый бумажный квадратик с цифрой десять. Розовым цветом в «Трёх дикарях» помечают «Пльзеньское». Я тут же вернулся в портерную и показал кельнеру находку. Он сразу узнал талончик. Ведь далеко не все могут выпить за вечер десять кружек. – Войта развёл руками. – Слабаков хватает. Но это был как раз тот самый десятый талончик, который посетитель то ли спрятал, то ли случайно убрал в карман и забыл. Но, когда он вытаскивал нож, то квадратик, прилипнув к рукоятке или лезвию финки, упал на землю. Официант хорошо знал скандалиста. Тот когда-то преподавал ему алгебру в гимназии. Вскоре убийцу задержали. При обыске у подозреваемого обнаружили финку, которой он и нанёс смертельный удар.

– А какой же мотив? Ревность?

– Босс, я начинаю вас бояться! – подпрыгнув в кресле, воскликнул Войта. – Как вы догадались?

– Ничего сложного. Во-первых, вы мимолётом упомянули, что убитый – молодой и прилично одетый человек. Стало быть, он следил за своей внешностью, стараясь нравиться женщинам. Во-вторых, преступник, судя по всему, уже в годах, если он преподавал кельнеру алгебру. В-третьих, нападение было заранее спланировано, так как убийца ещё до прихода в «Три дикаря» прихватил с собой финку. В-четвёртых, у злодея явно не хватало решимости совершить смертоубийство, поэтому он и накачивал себя «Пльзеньским», В-пятых, он точно знал в котором часу жертва будет следовать именно по Ржетезовой улице. Учитывая все эти детали, можно прийти к выводу, что душегубство замешано на романтической подкладке.

– Более того, шеф! Этот франт возвращался после тайного свидания с женой учителя.

– Грешник.

– Шеф, а кто среди нас святой?

Ардашев не успел ответить. Открылась дверь, и появилась Мария. На подносе лежала визитная карточка посетителя.

– Ну вот, я ждал кофе, а мне принесли визитку, – грустно улыбнулся частный сыщик, и спросил: – Этот американец один?

– С ним трое: первый – скорее всего, помощник, второй смахивает на учителя, и молодая очаровательная особа. Кофе всем подавать?

– Нет, только Вацлаву.

Ардашев поднялся.

– Друг мой, оставайтесь у слухового окна. Если понадобится, я вас вызову.

– Да, шеф. Но мой английский оставляет желать лучшего.

– Вот заодно и попрактикуетесь, – улыбнулся Клим Пантелеевич.

Глава 2

Визитёр

В комнате для гостей на диване сидели двое молодых людей и дама, а третий, лет пятидесяти, с усами пирамидкой и вполне заметным животом, утопал в кресле. При появлении Клима Пантелеевича он поднялся последним.

– Рад приветствовать вас, господа, – на чистом английском выговорил частный сыщик.

– О! Ваш британский лучший моего! – обнажив золотой рот, воскликнул толстый незнакомец и протянул руку:

– Джозеф Баркли, банкир из Сан-Франциско.

– Клим Ардашев – частный сыщик.

– А это мои спутники, – пригладив редкие волосы, цвета слабого чая, продолжил визитёр.

Указывая взглядом на брюнетку лет двадцати двух, в чьей крови, несомненно, была примесь исконных жителей американских прерий, он представил:

– Мисс Лилли Флетчер – моя стенографистка, переводчик и секретарь. Говорит на трёх европейских языках. Чешского не знает, но здесь нам вполне хватает и немецкого. Остальные, надеюсь, представятся сами.

– Эдгар Сноу помощник мистера Баркли, – застенчиво прогундосил несколько нескладный молодой человек в пенсне, лет двадцати восьми.

– Алан Перкинс, – отрекомендовался второй, чуть постарше и потучнее, но тоже без бороды и усов, с рыжей шевелюрой, похожий на ирландца. – Я историк, специалист по генеалогии. Результаты моих изысканий есть в «Готском альманахе»³.

– Прошу садиться, господа. Чем могу служить?

– У вас тут курят? – рассматривая носки своих лакированных туфель, осведомился банкир.

– Да, конечно. Пепельница перед вами.

– Отлично, – гость достал из туба сигару и закурил.

В комнате возникло облачко сизого дыма, напоминающее дамское лицо в профиль, которое вдруг стало бесформенным и утекло в открытую форточку.

Насладившись табаком, Баркли спокойно изрёк:

– Сэр, я хотел бы дискретно обсудить одно дельце.

– Я вас внимательно слушаю.

– Надеюсь, вы серьёзный человек и не будете его лансировать.

– Безусловно.

– Меня хотят убить.

Он вынул из внутреннего кармана сложенную бумагу и бросил на кофейный столик.

– Полюбуйтесь.

Ардашев не шелохнулся.

Помощник тотчас вежливо развернул лист и протянул Ардашеву.

Взяв в руки бумагу, Клим Пантелеевич удивлённо вымолвил:

– Господи, такого я ещё не встречал.

– Вот-вот! – кивнул американец. – Занятная чертовщина. Не стесняйтесь, читайте вслух. Мне так будет легче объяснить некоторые моменты.

Частный сыщик прочёл:

– «Сэр, у меня для Вас плохие новости!

---

³ «Готский альманах» – самый авторитетный справочник по генеалогии европейской аристократии.

Прейскурант жизни мистера Джозефа Баркли и его окружения на август месяц 1920 года»:

- 1) Тридцать один день жизни мистера Баркли – \$31000.
- 2) Тридцать один день жизни горничной Бетти – \$1200.
- 3) Тридцать один день жизни любимого пекинеса миссис Баркли – \$3000. Итого: \$ 35200.

В случае полной оплаты – скидка 10 процентов. Чек на предъявителя должен быть доставлен в конверте с надписью «От м-ра Баркли для м-ра Морлока» в бар отеля «Галифакс» (в Нью-Йорк) не позднее 1 августа сего года. В случае отсутствия чека, или получения меньшей суммы, у Вас возникнут неприятности. С надеждой на взаимопонимание, всегда Ваш Морлок».

– Как вам? – спросил гость. – Разве не хамство?

– Вы имеете в виду, что собака дороже горничной?

– Да нет. Здесь он прав, – рассмеялся американец. – Собаку любил не только я, но и моя жена, а горничную – только я. Я насчёт денег. Не много ли он захотел? Как считаете?

– А это не розыгрыш?

– Я тоже сначала подумал, что кто-то провернул дурацкую шутку, – откинувшись в кресле, проронил Баркли. – И через пару-тройку дней забыл о письме. Естественно, жене – ни слова. Как-то утром она отправилась за покупками и взяла с собой Боя – нашего пекинеса. И чёрт её дернул привязать пса на улице у дверей модного магазина. Марго потом мне доказывала, что она его прекрасно видела через витринное окно, он сидел смирненько и глазел на неё через стекло. Но вы же понимаете, что бывает, когда женщины оказываются в магазине одежды! Бесконечные платья, кофточки, блузки, примерочные, зеркала... Словом, когда она вышла, наш малыш, свесив голову, и, высунув язык, болтался на собственном поводке, как на виселице. Утром я получил второе письмо. Вот, сударь, полюбопытствуйте.

Американец вынул листок, развернул и вежливо протянул Климу Пантелеевичу. Тот прочёл:

– «Сэр, у меня для Вас плохие новости! Вернее, одна плохая, другая хорошая. Как водится, начну с плохой: вчера Ваша псина издохла в страшных муках. Хорошая новость: теперь сумма Вашего долга уменьшилась и составляет лишь 32 200 долларов. Десятипроцентная скидка по-прежнему действует. Условия прежние. С надеждой на Ваше благоразумие, всегда Ваш Морлок».

– И что же потом?

– Я обратился в полицию, но они сказали, что смерть собаки, удавившейся на запутанном поводке – не их дело, а вопрос к хозяйке. Мол, надо было лучше следить за питомцем. И вообще, они предположили, что это могут быть проделки детворы.

– А как же угрозы вам и горничной?

Баркли положил сигару и ответил:

– Посчитали это злой шуткой. Скажу честно, они меня убедили, и я успокоился. Но уже на следующий день случилась беда. К жене явился посыльный и вручил пачку интимных фотографий. Шантажист, отыскав щель в портьерах моего кабинета, делал снимки снаружи через окно. Этот мерзавец снял, как я кувыркался с моей горничной, милой шоколадкой Бетти.

Баркли метнул взгляд на спутников и те, точно по команде, потупили очи долу.

– Марго страшно ревнивая. Она тут же залетела на кухню и, схватив нож, ударила служанку. Слава Богу, ничего страшного. Так, царапина. Моя сладкая половинка теперь сидит под залогом, точно мышь в банке, и ревет, как белуга. Оно и понятно – скоро суд. Я пригласил лучших адвокатов. Бетти, получив от меня кучу денег, согласилась дать показания, что она якобы давно дразнила Марго, намекая на нашу близость. Так научили защитники, чтобы доказать состояние аффекта супруги и разжалобить присяжных. Надеюсь, я доходчиво объясняю эти мудрёные уловки пройдох-адвокатов?

– Вполне, – сардонически улыбнувшись, ответил Ардашев. – Вы так не любите адвокатов?

– А за что их любить? Хотя они всё равно лучше, чем доктора. Адвокаты просто грабят, а врачи сначала грабят, а потом ещё и режут на операционном столе.

– Вполне резонно, – улынулся Ардашев.

– И что, вы думаете, было дальше?

– Смею предположить, что вы получили третье письмо.

– Верно!

Из бокового кармана пиджака американец выудил третий, изрядно помятый листок и, разгладив на столе, вручил его Климу Пантелеевичу.

Сыщик зачитал вслух:

– «Сэр, у меня для Вас плохие новости! В данной ситуации я проявляю к Вам снисхождение. Будем считать, что с горничной я расправился. Вы остались один. Правда, и августовских дней всё меньше. И кто знает, когда с Вами может приключиться беда? Сами понимаете, скидки больше нет, но у Вас всё ещё есть шанс дожить до конца этого месяца. Поторопитесь. Скидка больше не действует. Прошу оплатить счёт на \$31000. Место и способ оплаты – прежние. С надеждой на Ваш здравый рассудок, всегда Ваш Морлок».

– И что дальше?

– Естественно, я не на шутку испугался, и, в тайне от детективов, послал этому выродку чек на две тысячи долларов в бар отеля «Галифакс», чтобы он отстал. Кстати, что за гнусное имя – Морлок? – брезгливо скривился банкир и сунул в рот потухшую сигару. – Я никогда его раньше не слышал.

– Морлоки – злобные подземные существа-каннибалы из романа Герберта Уэллса «Машина времени», – пояснил Ардашев.

– Вот оно как! Этот прохиндей ещё и книжки читает!

– Однако, сэр, чем я могу вам помочь? – с недоумением осведомился Ардашев.

– Я хочу, чтобы вы нашли подлеца.

– Как вы себе это представляете?

Американец пожевал сигару и, глядя в глаза собеседнику, вымолвил:

– Очень просто. Вы поедете со мной в Нью-Йорк, или Сан-Франциско, или в Чикаго, или даже к чёрту на рога, и отыщете Морлока. Я выпишу вам чек с четырьмя нолями с учётом любого аванса, даже стопроцентного, не считая командировочных расходов класса люкс. И премию выплачу. Назовите только сумму.

– Положим, гонорар у меня всегда в виде стопроцентного аванса. Премии я не обсуждаю. Это сугубо личная воля клиента. Тем не менее, даже если бы мы с вами договорились, я бы всё равно не принял ваше предложение до тех пор, пока не услышал бы от вас правдивого ответа всего на один вопрос: зачем вам нужен я, если в Северо-Американских Соединённых Штатах на каждом углу по детективному агентству, включая предприятие мистера Пинкертон?

– Я уже к ним обращался. Знаете, что мне посоветовали эти хваленые сыщики?

– Интересно, – детектив вопросительно вскинул брови.

– Нанять круглосуточную охрану и провести тревожный телеграф в их офис. Я согласился. И что вы думаете? Знаете, каков результат?

– Да, – Ардашев посмотрел на собеседника со снисходительным превосходством, – покажите четвёртое письмо.

Баркли потянулся было к карману, но вдруг, точно обжёгшись, одёрнул руку.

– Я его не взял с собой. Оставил в отеле. Мы поселились в «Де сакс». На той бумажке много всякого бреда нацарапано. Он не успокоился. Кстати, голова моего помощника на сентябрь месяц оценена в пять тысяч долларов. Поверьте, его мозг стоит дороже. Эдгар говорит свободно на шести языках и ещё на четырёх читает.

Он повернулся к молодому человеку и спросил:

– Эдгар, сколько будет триста сорок пять умножить на двести девяносто?

– Сто тысяч пятьдесят, – спокойно ответил Сноу.

– Но и это не всё! Он помнит названия всех железнодорожных станций и полустанков Америки. Представляете? Мой помощник держит в уме места добычи нефти на территории США и знает объём каждой скважины. Он может назвать стоимость драгоценных металлов и алмазов на Нью-Йоркской, Лондонской, Берлинской, Стокгольмской и Парижской бирже по любому курсу.

– Скажи, Эдгар, – не унимался банкир, – сколько стоит сегодня золотой царский рубль на Нью-Йоркской бирже по курсу, например, шведской кроны?

– Сегодняшние котировки я ещё не видел, но вчера в Нью-Йорке за один золотой царский рубль давали 2,35 шведских кроны.

– Видите, господин Ардашев? Вот поэтому я и не стал рисковать жизнью этого уникального человека и прихватил его в Швецию.

– Простите?

– В Прагу мы приехали из Стокгольма. Устали, как черти. У нас были очень трудные переговоры, – пояснил американец и, укоризненно посмотрев на историка, добавил: – В то же самое время пока мы там корпели над контрактами, наш генеалогический гений за целую неделю так и не удосужился подготовить нужные документы.

– Я здесь всего пять дней, мистер Баркли. И два дня из пяти архив не работал, – сухо отпартовал мистер Перкинс. – Мне осталось лишь получить некоторые доказательства и потом, после нотариального удостоверения копий, сведения будут поданы в «Готский альманах».

– Видите ли, господин Ардашев, Алан уверен, что мои дальние предки ведут свой род от чешского короля, – гордо пояснил гость.

– И от какого же именно? – полюбопытствовал детектив.

– От этого... как его... всё забываю... – замялся Баркли.

– От Вацлава IV, – пришёл на помощь историк.

– Да, интересный был монарх, – с улыбкой проговорил частный сыщик. – От неминуемой гибели его спасла молодая банщица.

– Какая ещё банщица? – встрепенулся Перкинс. – Откуда вы это взяли?

– Господа, мне не нужна банщица! – взмахнул руками банкир.

– Эту историю знает каждый пражанин, – начал рассказ Клим Пантелеевич. – В те времена у этого чешского самодержца не ладились отношения с земскими управляющими. Знать упрекала короля, что он не обращал внимания на их советы и ставил во главе королевских управ только своих фаворитов. Когда конфликт достиг апогея, дворяне обезоружили охрану правителя и бросили последнего в каменный мешок Староместской ратуши. Но пойти на убийство монарха они не решились. Просидев в темнице пять месяцев, государь начал требовать от тюремщиков посещения городских бань у Карлова моста. Лето в ту пору было жарким, и стражники смиростивились. После купания Вацлав с помощью молодой банщицы сумел забраться в лодку, переплыть Влтаву и сбежать в лес к своему стороннику. Позже, он уладил конфликт с восставшими дворянами и вернулся на трон. За бескорыстную помощь помазанник Божий осыпал Зузанну золотыми монетами и подарил ей новые бани, построенные на месте старых, откуда он совершил побег. Кроме того, на своде Староместской мостовой башни по его велению выбили портрет Зузанны.

– Интересная легенда. Это меняет дело. Я подозреваю, что банщица была очаровательна, – улыбнулся банкир и зажёл сигару. Насладившись дымом, он спросил:

– И всё-таки, вы принимаете моё предложение?

– А позвольте ещё один вопрос?

– Конечно.

– Как вы меня нашли? По рекомендации?

– Для вас это имеет значение? – удивлённо подрожал бровью визитёр.

– Безусловно.

– Хорошо, я расскажу. Здесь нет никакой тайны. Вчера я встречался с управляющим из «Легиа-банка». Мы партнёры. И в двух словах я поведал ему о Морлоке. Он порекомендовал обратиться именно к вам. Пан Шип убеждал меня, что у вас лучшее сыскное агентство не только в Праге, но и во всей Чехословакии, а, возможно, и в Европе.

– Благодарю за добрые слова. Вы ещё долго собираетесь здесь находиться?

– Дней пять буду в Праге точно. Я веду здесь переговоры о покупке нескольких аэропланов «Фарман Ф-60 Голиаф», и отправке их в США сначала поездом до Роттердама, а потом пароходом. Чехи преуспели в переделке французских бомбовозов под пассажирские аэропланы. Война закончилась. Гражданская авиация набирает обороты. Авиаторов в моей стране хватает. Ещё в мае восемнадцатого года появилась авиапочта между Вашингтоном и Нью-Йорком с посадкой в Филадельфии. Прошло два года и теперь из Нью-Йорка в Сан-Франциско тоже возят почту на аэроплане. Правда, пока ещё с тринадцатую промежуточными посадками. Но авиакомпания «Линес Фарман» в прошлом году выполнила рейс из Брюсселя в Париж на «Голиафе». С марта этого года открыта линия между Лондоном и Парижем. Эксплуатировать эти аэропланы на европейских линиях начала французская авиакомпания «Гранд Экспресс Аэриэн». Надеюсь заключить контракт на десять-двенадцать пассажирских аэропланов этой фирмы.

– Очень удачная машина, – кивнул Ардашев. – В прошлом году газеты писали, что французский лётчик лейтенант Боссутро установил три рекорда. Первого апреля с четырьмя пассажирами он поднялся на «Голиафе» на высоту шесть тысяч двести метров, затратив на это всего один час пять минут. Третьего апреля он забрался на ту же высоту, но уже с четырнадцатью пассажирами, а пятого мая поднялся на пять тысяч метров, имея на борту двадцать пять человек.

– Совершенно верно! А как не вспомнить прошлогодний полёт из Парижа в Дакар? С дополнительными баками и восемью членами экипажа они были вынуждены сесть на песчаном пляже, не дотянув до Дакара всего двести пятьдесят километров. И всё из-за течи в радиаторе.

– Помнится, я читал, что механик, обвязавшись верёвкой, вылез на крыло, и попытался устранить неполадку. Но его попытка оказалась тщетной, двигатель всё равно перегревался.

– Герой! Потому и пришлось идти на посадку. Французы обещают произвести улучшения: заменить радиатор, поставить мотор в триста лошадиных сил и сократить размах крыла. Будет отличный самолёт.

– Простите, за нескромный вопрос. А почему бы вам не покупать аэропланы непосредственно у французов? Наверное, было бы дешевле? – осведомился Клим Пантелеевич.

Баркли выпустил струйку дыма и сказал:

– Последние двадцать лет я живу по правилам. Их мне пришлось выстрадать. И одно из них гласит: «Только глупец начинает новое дело на свои деньги, а не на деньги партнёра». «Легиа-банк» финансирует сделку. Чехи сами закупят «Голиафы» у французов и сами будут переделывать. Да и труд рабочих во Франции стоит дороже. Я отвечаю лишь за американскую часть проекта и, соответственно, буду нести расходы в Штатах.

– То есть через пять дней вы планируете отправиться домой?

– О нет! Потом придётся ехать в Германию. Есть у меня кой-какие дела на Берлинской бирже. Затем, я планирую добраться в Южную Голландию. Дальше всё зависит от моего партнёра в Стокгольме. Он должен отправить карго в Нью-Йорк из Стокгольма, а документы на получение груза прислать на Главпочтамт Роттердама на моё имя с отметкой «до востребования». Буду ждать от него телеграммы. Товар застрахуют и, как водится, отправят на посудине, где каюты первого класса уж точно не будет. Другое моё правило гласит: «Жизнь коротка.

Постарайся наслаждаться ею каждый день». По этой причине я не хочу терпеть неудобства и, купив билет на приличный пассажирский пароход, идущий из Роттердама в Нью-Йорк, поплыву следом. По прибытии мне останется лишь получить свои ящики. Надеюсь, сударь, вы всё-таки примите моё предложение, и эти шесть дней в Атлантике мы проведём вместе. Океан, голубое небо, старый виски, что может быть лучше?

– Благодарю за разъяснение. Мне нужно подумать. Я протелефонирую в ваш отель и дам ответ через час-два.

– Отлично! – поднимаясь, ответил Баркли. – Номер комнаты тринадцать. Спасибо, что уделите нам столько времени. Буду ждать вашего звонка.

Провожая американцев, Клим Пантелеевич заметил, что их ожидал «Делано-Бельвиль» с капотом цвета платины, принадлежащий отелю «Де сакс». Когда автомобиль уехал, Ардашев вернулся в кабинет и устало опустился в кресло напротив Войты.

– Что скажете, друг мой?

– Ничего хорошего, шеф, – глядя в угол, грустно проронил помощник.

– Почему?

– Потому что вы уже решили для себя, что примите это предложение и не сегодня, так завтра отправитесь в Америку, а я опять останусь один.

– Мистер Баркли предлагает хорошие деньги. Получив их, мы сможем не браться за всякую мелочёвку.

– Так-то оно так, – Вацлав потупил голову, – но, знаете, ехал я как-то на седьмом трамвае от Бржевнова на Живков, через всю Прагу. И попалась мне в «Вестях» одна статейка. Пишут, что в Штатах набирают силу итальянские бандиты, или мафия. Эти парни особенно не церемонятся. Предпочитают сперва нажать на спусковой крючок, а потом шевелить мозгами, стоило ли это делать. Умеют лишь считать банкноты и палить из пистолетов. На большее не способны. Сицилийские недоумки. Непокойно сейчас в этой Америке. Опасно.

– Поверьте, Вацлав, это не самые страшные убийцы, с которыми мне приходилось сталкиваться. С мафиози можно договориться, а вот с ликвидатором – невозможно.

– Кого вы подразумеваете под этим словом?

– Ликвидатор – палач, исполняющий приговоры, вынесенные заочно государством тому или иному человеку. Обычно его жертвами становятся бывшие военные, чиновники или политики, бежавшие за границу.

– Иностранный шпион?

– Можно сказать и так. А насчёт Америки... Не знаю. Я ещё не принял окончательного решения.

В кабинет вошла Мария. На серебряном подносе стояла чашка кофе и лежал конверт.

– Вам письмо, Клим Пантелеевич. И кофе.

– Ага, шефу, значит, кофе, а его доблестному и проникательному помощнику ничего? – Войта разобижено вытянул нижнюю губу.

– Вацлав, вы же только что выпили, а Клим Пантелеевич общался с посетителями, – оправдалась секретарь. Но, если хотите, я сварю ещё. Мне не трудно.

– Не откажите ему. А то этого он нам никогда не простит, – распечатывая конверт, улыбнулся Ардашев.

– Принести сюда?

Пробежав глазами текст письма, Клим Пантелеевич ответил:

– Пожалуй, нет. Мне надобно остаться одному.

– Вот так всегда, – поднимаясь вздохнул Вацлав. – Кофе не дают и босс из кабинета выгоняет.

Бывший полицейский взял секретаря под руку и прошептал:

– Пойдёмте, Мария, будем варить кофе вместе. Я поведаю вам душещипательную историю об убийстве в Ригровых садах.

– О! – взмолилась дама, – только не это! Я знаю наизусть все ваши расследования.

– Нет-нет, об этом дознании вам слышать ещё не доводилось, – прикрывая дверь, прошептал Войта.

Клим Пантелеевич остался один. Напечатанное на машинке письмо на первый взгляд было совсем невинным. Некий господин из Парижа просил Ардашева расследовать пропажу его старого друга, который вышел из дома и не вернулся. Полиция, занимающаяся его поисками целый месяц, до сих пор ничего определённого так и не сказала. Обстоятельства дела были изложены на двух листах.

Послание, и в самом деле, пришло из Парижа. Только вот автором его был никто иной, как Пётр Бернгардович Струве, возглавлявший управление иностранных дел при правительстве генерала Врангеля. В данный момент он находился во Франции с официальным визитом. Именно благодаря его усилиям, Франция де-факто признала правительство Врангеля. Но ключ к шифру мог знать только один человек – начальник контрразведки генерала Врангеля полковник Фаворский. «Стало быть, – размышлял Ардашев, – Владимир Карлович зашифровал текст ещё в России, либо он сопровождает Струве в зарубежной поездке». Текст письма гласил: «По нашим данным, для ведения подрывной революционной деятельности в США и планируемой закупки паровозов для Советской России в ближайшее время из Стокгольма готовится к отплытию пароход с российским золотом на сумму двадцать миллионов рублей для последующей торговли на бирже Нью-Йорка. Золото прошло через шведский банк «Экономиаксиебулатен», акционерами, которого являются доверенные люди Кремля. Отправку грузов из Стокгольма осуществляет представитель шведского отделения английской фирмы «Акрос», фактически принадлежащей Москве. Руководит шведским отделением уже известный вам Альберт Крафт. Следует поставить под контроль не только транспортировку большевистского золота в США, но и попытаться перехватить вырученные от его продажи средства и передать их российскому послу Б. А. Бахметьеву, оказывающему помощь Белому движению через займы США, открытые ещё Временному Правительству. Учитывая важность задания, рекомендуем отправиться в США лично Вам. П.Б. Струве».

Клим Пантелеевич поднял телефонную трубку.

– Отель «Де сакс», пожалуйста.

– Сию минуту, – ответила телефонистка.

– Отель «Де сакс». Добрый день! Чем могу служить?

– Я хотел бы связаться с мистером Баркли из тринадцатого номера. Не могли бы вы пригласить его к телефону?

– К сожалению, это невозможно. Его только что отвезли в больницу на карете скорой помощи.

– А что с ним случилось?

– Вы можете осведомиться у его спутников. Но сейчас их допрашивает полиция.

– Благодарю.

Ардашев положил трубку на рычаг и покинул кабинет. Сняв с вешалки пальто и шляпу, он окликнул помощника и поспешил на улицу. Войта ринулся вслед за шефом.

Глава 3

Допрос

Сороконожка бежала по диагонали шершавой стены одиночной камеры. Достигнув верхней точки, она нырнула в щель, забитого досками окна, и оказалась на воле.

Послышались гулкие шаги по коридору, громохание ключа на связке, лязганье замка, и деревянная дверь, обитая железом, со скрипом отворилась.

– Мяличкин, на выход! – гаркнул охранник.

Начальник сектора третьего отдела Региструпры поднялся с нар. Было бессмысленно спрашивать, надо ли брать с собой вещи, или нет, потому что «без вещей» – это на допрос, а «с вещами» могло означать только одно – расстрел. Собственно, и вещей у Мяличкина никаких не было. Его арестовали в рабочем кабинете три дня назад, тут же допросили и отвезли в тюрьму. В камере несколько раз появлялись два молчаливых амбала в красноармейских в гимнастёрках без ремней и с закатанными рукавами. Не произнося ни слова, они начинали избивать арестанта, точно месили тесто в булочной. Они ни о чём не спрашивали, а просто били, хрипя и посапывая, то ли от усталости, то ли от усердия, то ли от злости. Минут через десять издевательство прекращалось, и они уходили. И вот теперь вызвали к следователю.

В кабинете сидел следователь – невысокий, лысый человек с квадратиком усов, в пенсне и с брюшком. Он бы мог вполне сойти за счетовода или председателя рабочей артели. Его глаза суетливо бегали по сторонам. Он молча раскрыл папку, поправил перо и чернильницу непроливайку. Хитро улыбаясь, спросил:

– Ну что, голуба моя, говорят, вам досталось? – И, не дождавшись ответа, вымолвил: – Ничего не поделаешь, порядки такие. Не я их выдумал, а сама жизнь. Это для вашей же пользы. Так вы станете сговорчивее, и из вашей заблудшей души, уйдут в небытие буржуазные предубеждения, оставшиеся от старого мира. Не правда ли, господин царский полковник?

– Послушайте, господин следователь, – трогая пальцами разбитую губу, начал говорить Мяличкин, но его перебили.

– Бросьте эти свои дворянские привычки. Обращайтесь ко мне «гражданин следователь», а не господин. Господ мы выведем скоро, как клопов.

– Так вот велите своим извергам, гражданин следователь, перестать надо мной издеваться. Я уже многократно указывал в рапортах все обстоятельства моей последней командировки в Таллин. И делал это честно и откровенно, обосновав, почему не отдал приказ ликвидировать Клима Ардашева.

– Читал-читал, – усмехнулся визави и, сложив аккуратной стопочкой листы, добавил: – Вы лжёте, и потому вас бьют. И будут бить, пока не начнёте говорить правду. Кстати, если хотите, можете обращаться ко мне по имени отчеству, – Наум Моисеевич, а фамилия моя Райцесс.

– Хорошо, Наум Моисеевич, – кивнул Мяличкин. – Задавайте вопросы.

– Когда, где и при каких обстоятельствах вас завербовал резидент белогвардейской разведки Ардашев Клим Пантелеевич?

– Опять двадцать пять, – передёрнул плечами Мяличкин. – Ардашев – враг. И я пытался уговорить его перейти на нашу сторону и выдать Региструпру всю агентурную сеть, созданную им ещё до большевистского переворота 1917 года.

– Большевистского? Переворота? – недовольно спросил следователь и поправил пенсне. – Это был не переворот, батенька мой, а восстание трудового народа, переросшего в великую октябрьскую социалистическую революцию. И, поверьте, придёт время, когда во всех словарях эти четыре слова будут писаться с большой буквы.

– Я и не сомневаюсь, – на лбу у арестанта собрались мучительные складки. – Только ведь в советских газетах события октября семнадцатого до сих пор называют то переворотом, то восстанием, а революцией – очень редко.

– И всё-таки, Константин Юрьевич, давайте вернёмся к моему вопросу относительно вашей вербовки белогвардейским резидентом.

– Наум Моисеевич, послушайте, раз вы ведёте моё дело, то должны понимать специфику агентурной работы. Главная задача оперативника – переманить врага на свою сторону. Именно это я и пытался сделать в Таллине, беседа с Ардашевым.

– Но тогда объясните, почему после его отказа перейти на нашу сторону, он не был ликвидирован?

– Да просто потому, что его убийство могло насторожить эстонскую контрразведку, которая ожидала прибытия и ареста парохода «Парижская коммуна» в Таллинский порт. Из-за этих же опасений нам пришлось принять решение о перегрузке всех ящиков на шведское судно, и тогда же отправить золото в Стокгольм.

– Детский лепет, голуба моя, детский лепет. Ликвидатор ждал вашего приказа об устранении Ардашева и был очень удивлён, когда вы приказали ему следовать за белогвардейским резидентом в Прагу. Труп Ардашева никто бы не нашёл. Балтийское море огромно. О нём вообще бы никто не вспомнил. Но нет, вы назначили с ним встречу, как раз перед отплытием его парохода. Сидели в ресторане, болтали. Небось вспоминали, как вместе служили во славу веры, царя и Отечества, правда? Наверное, лили крокодильи слёзы по прошлой жизни? Кстати, – следователь уставился на обвиняемого, – а почему вы скрыли, что в сентябре 1913 года вы лично приезжали в Ставрополь к Ардашеву и даже гостили у него?

– Перейдя в советскую военную разведку, я подробно описывал все, наиболее важные, оперативные дела, в которых ранее принимал участие, в том числе, упоминал и о поиске пергаментных манускриптов переписки аланского митрополита с Патриархом Византии в X веке. Ардашев тогда сыграл ключевую роль в той операции⁴. И нет ничего удивительного в том, что я оказался у него дома в Ставрополе.

Следователь достал из кармана пачку папирос «Комсомолка», спички и протянул Мяличкину.

– Угощайтесь, Константин Юрьевич, вы ведь давно не курили. Правда, табак не высшего сорта, и даже не первого, но сейчас в моей стране трудные времена. Тем не менее, он приятней махорки.

– Благодарю.

– Я, знаете ли, в партии эсеров с 1905 года. Старый революционер. Если хотите, – недоучившийся студент. За участие в митингах меня выгнали с третьего курса юридического факультета. А потом – тюрьма, ссылка, опять тюрьма. Я, знаете ли, большевиком стал всего год назад. И да – в своё время переоценивал Учредительное собрание и не сразу поддержал линию на вооружённое восстание. Но потом взглянул на происходящее с точки зрения диктатуры пролетариата, а не отсталого крестьянства. Поздновато одумался. Вот потому я до сих пор следователь, а не ответственный работник наркомата юстиции или ВЧК.

Мяличкин глубоко затянулся и спросил надтреснутым голосом:

– Что с моей семьёй? Где жена, дочь?

– Да-с, всё забываю вам об этом сказать. Ваша жена в безопасности, но под охраной. Дочь – под надёжным присмотром.

– То есть как? Вы их арестовали?

– А как вы думали? Это необходимость, а не блажь. Её камера здесь, на первом этаже.

– Ни она, ни дочь ничего не знают о моей службе. Отпустите их.

---

⁴ Об этом читайте в романе «Лик над пропастью».

– Конечно-конечно! Можно и отпустить, если вы будете со мной честны и откровенны.

– Хорошо, Наум Моисеевич. Я готов признаться в преступной халатности, игнорировании указаний Центра и превышении полномочий во время командировки в Таллин. Вам этого хватит? Вы освободите жену и дочь?

– Вот и славно, батенька мой! Я дам вам карандаш, бумагу и копирку. Вас отведут в камеру. Пишите обо всём подробно, в двух экземплярах, а там разберёмся что к чему... И курите сколько хотите. Я распоряжусь, чтобы вам даже чаю принесли, а сахарок у меня с собой, – простодушно вымолвил следователь, вынул из портфеля тряпицу, в которой было завернуто несколько кусков колотого сахара. – Берите-берите, не стесняйтесь.

– Спасибо, – вымолвил арестант и взял один кусок сахара.

– Посидите, пораскиньте мозгами, вспомните все детали и подробно изложите. И помните: судьба вашей семьи – в ваших руках. И папиросы не забудьте. Все не дам. Мне ещё работать допоздна, а вот с двумя штучками я легко расстанусь. Извольте, – толстыми пальцами он с трудом извлёк из почти полной пачки две папиросы. – А завтра мы снова встретимся. Надеюсь, вы будете со мной искренни.

Следователь открыл дверь и окликнул конвойного, но ответа не последовало, и он зашагал по коридору.

Внимание Мяличкина вдруг привлёк кусочек стекла в углу кабинета. Это была половина линзы от очков. «Вероятно, били какого-то арестанта в очках», – подумал подследственный и сунул находку в карман.

Райцесс появился вместе с красноармейцем.

– Можете увести. Я разрешил подследственному взять курево, карандаш, копирку и бумагу. Передайте старшему по корпусу, чтобы ему дали чаю, или кипятку. Пусть пьёт сколько хочет. Скажите, что это указание следователя. Ясно?

– Так точно!

И опять железная лестница, переходы, коридор и лязг замка открываемой камеры.

Мяличкин остался один. Он сел за стол, придвинул лист и, глядя на серую поверхность бумаги, будто перенёсся в Таллин, в ресторан «Родной берег». В ушах раздавались слова Ардашева, сказанные ему во время их последней встречи: «Одного я не могу понять – вашей преданности большевизму. Вы для них – чужой. Да, пока такие как вы им ещё необходимы, потому что для победы над всем миром нужны профессионалы, а не дилетанты. Но потом, рано или поздно, они с вами расправятся. И сделают это с превеликим удовольствием. И знаете почему? Потому что вы образованнее, умнее, и, если хотите, удачливее. Вы были полковником императорской армии, да и сейчас занимаете должность, вероятно, вполне сравнимую с прежней. А к власти пришли неудачники, завистники, ненавидящие весь мир. Начиная от Ульянова, который мстит за казнь брата всему русскому народу, заканчивая последним босяком, боявшимся раньше даже взгляда городского, а теперь, нацепившим красный бант и получившим винтовку. Беда России в том, что у большевиков отрицательная мотивация поступков. Они хотят переделывать мир с помощью насилия, войн и диктатуры. И вы, Константин Юрьевич, станете одной из жертв волны красного террора».

Мяличкин досадливо поморщился, и карандаш побежал по бумаге: «Я, Мяличкин Константин Юрьевич, являясь начальником сектора третьего отдела Региструпра, был отправлен в командировку в Таллин (Ревель) с целью...».

Глава 4

Бутылка виски

I

Отель «Де сакс» находился почти в центре Праги. Это была самая дорогая гостиница города. В былые времена здесь останавливались члены австрийской и саксонской династий.

Расплатившись с извозчиком, частные сыщики зашли внутрь.

Метрдотель, справившись о цели визита, поведал, что полиция, прибывшая на место после сообщения доктора, опрашивает подчинённых мистера Баркли в тринадцатом номере.

Комната под несчастливой для русских людей цифрой оказалась в самом конце коридора второго этажа. Ардашев постучал в дверь.

– Войдите! – пробурчал знакомый голос инспектора Яновица.

Войта улыбнулся и первым шагнул в номер, Клим Пантелеевич вошёл за ним.

Пятидесятиоднолетний Милош Яновиц как всегда, слушая свидетеля, по привычке гладил нафабранные усы и, облачённый в белую сорочку с галстуком и в костюме-тройке, при первом знакомстве всегда производил впечатление высокообразованного и вежливого человека, но это впечатление таяло, как снег, стоило ему приступить к допросу. Судя по всему, в данный момент полицейский опрашивал за столом последнего свидетеля, вернее, свидетельницу. Двое других – Эдгар Сноу и Алан Перкинс – сидели на диване во второй комнате, ожидая окончания неприятной процедуры.

– Ого! – вставая, воскликнул инспектор. – Сам господин Ардашев пожаловал! И, как всегда, в сопровождении верного Санчо Пансы – моего бывшего непутёвого подчинённого.

– Так уж и непутёвого? – огрызнулся Войта. – А разве не я раскрыл убийство на Ржете-зовой улице, пока ваша светлость ковыляла в участок после изрядно принятого на грудь?

– Смотри мне, Вацлав! – погрозил пальцем инспектор. – Допросишься!

– Ладно-ладно, ваше вселенское величество, прошу не гневаться. Мы по делу. Переговорить бы.

Яновиц повернулся к свидетелям и сказал:

– Господа, прошу вас подождать в холле. Возможно, вы ещё понадобится.

Мисс Лилли Флетчер тотчас перевела слова инспектора и вместе с остальными покинула номер.

– Садитесь.

– И на том спасибо, – проронил Ардашев и расположился напротив.

– Итак, что же вас привело сюда? – осведомился полицейский, набивая трубку табаком из кожаного кисета.

– Наверное, то же, что и вас, господин инспектор, – отвечал Клим Пантелеевич. – Всего несколько часов назад, к нам в контору заявился этот американец вместе со своими помощниками. Он сообщил нам, что будучи ещё в Америке получил несколько писем с угрозами. Вымогатель составил для него и его окружения, включая даже домашнего питомца, преysкурант жизни, в котором были указаны суммы, позволяющие мистери Баркли здравствовать в течение августа, а потом и сентября месяца. Вот потому-то он с большим удовольствием пересёк океан, и, судя по всему, чувствовал себя здесь в безопасности.

– Преysкурант жизни? – прикуривая трубку, удивился инспектор. – Такого я ещё не слышал.

– Да, представьте себе.

– И что же этот толстосум от вас хотел?

– Он просил меня отправиться вместе с ним в Америку и отыскать преступника.

– И поэтому вы здесь?

– Почти. Я протелефонировал в «Де сакс», чтобы с ним встретиться, а мне сообщили, что мистера Баркли увезли в карете скорой помощи. Приехав сюда, нам поведали и о вас. Вы не знаете, в какой он больнице?

– На Франтишку.

– Где прозекторская доктора Гольдберга?

– Да.

– Что с ним? – поинтересовался Войта.

– Не знаю, – пожал плечами полицейский. – Врачи обнаружили у него признаки то ли удара⁵, то ли паралича сердца⁶, то ли грудной жабы⁷. Шут их разберёт. Если судить по рассказу переводчицы и двух молодых людей, они всей компанией сидели здесь, в номере, и обсуждали дела. Баркли налил себе немного виски и закурил сигару. Потом явился коридорный и передал американцу письмо. Тот прошёл в другую комнату, судя по звукам, распечатал конверт. Вернулся злой. Снова налил виски и выпил. Покурил. Вдруг схватился за сердце и, начав задыхаться, осел в кресло. Его положили на диван, расстегнули сорочку и открыли окно. Срочно вызвали доктора. Американец этот, видно, большая шишка. Сам полицмейстер распорядился, чтобы я приехал и проверил – не было ли в отношении него какого-либо злоумышления. Но нет, всё чисто, если не считать вашего рассказа.

– А что в письме?

– Понятия не имею. Судя по всему, он сунул его себе в карман.

– А виски?

– На журнальном столике.

– Позвольте мне взять с собой бутылку?

– Зачем она вам? Если бы в ней был, допустим, цианистый калий, у него бы пена на губах выступила. Но доктора говорят о болезни сердца. А впрочем, – он выпустил дым, – можете забирать. Мне не жалко. Виски там почти не осталось.

– Благодарю вас, инспектор, – проронил Ардашев и поднялся. Пожалуй, завтра мы наведаемся в больницу к мистеру Баркли.

– Дело ваше. Я доложу начальству, что никакой уголовщиной здесь не пахнет. В Америке у него, может, и есть проблемы, но не в Праге. Поэтому меня мало интересуют душещипательные истории этого миллионера.

– Откуда вы взяли, что он миллионер? – встрял в разговор Войта.

– Ворона прилетела со Староместской ратуши и накаркала! – полицейский повернулся к Климу Пантелеевичу и выговорил раздражённо: – Иногда ваш подопечный меня удивляет, задавая детские вопросы. Любому понятно, что Баркли богат как Крез, если остановился в самом дорогом отеле столицы Чехословакии. Но он и скряга знатный: поселил троих подчинённых в одной из самых дешёвых гостиниц Праги – в «Золотом Гусе», что в Кобылисах⁸. К тому же, переводчица проболталась, что у него золотой счёт в «Легиа-банке» и он у них почётный клиент.

– Ясно, – Ардашев улыбнулся и сказал: – Замечу лишь, что этот, как вы изволили выразиться, «мой подопечный», знаком со мною немногим более года. А всю сознательную жизнь

---

⁵ Удар – (уст.) – апоплексический удар или геморрагический инсульт.

⁶ Паралич сердца – острый инфаркт миокарда.

⁷ Грудная жаба – (уст.) – стенокардия.

⁸ Кобылисы – окраина Праги.

сысского агента он провёл с вами. И, как я понимаю, благодаря этому, многому от вас научился и даже кое-что перенял.

– Вот-вот, – поддакнул Войта, – всё плохое у меня от бывшего начальничка. Поэтому и не женюсь никак.

– Нет, просто дамы видят твою гнилую душонку, – съязвил инспектор.

Вацлав махнул рукой, как саблей, и сказал:

– Всё! В «Три дикаря» больше с вами не ногой!

– Ага! – хохотнул Яновиц. – Зарекался козёл в огород не ходить. Да кроме меня и господина Ардашева ни один порядочный человек с тобой в портерную не сунется. Только мы тебя и терпим.

Не обращая внимания на перепалку старых знакомых, Клим Пантелеевич изрёк:

– Сдаётся мне, что в деле мистера Баркли нам мы отыщем не один скелет в шкафу. Даст Бог, разберёмся. Честь имею, инспектор.

– Всего доброго.

Уже на улице Войта осведомился:

– Что же за письмецо получил Баркли? Неужто из Америки?

– Всё может быть. Если помните, он нам так и не показал четвёртое послание Морлока.

– Да, похоже, насчёт тёмных сторон жизни Баркли вы правы.

– Посмотрим. Ловите таксомотор или извозчика. Едем в контору. Я хочу проверить содержимое этой бутылки.

II

Когда Ардашев, скрипнув дверью, вышел из лаборатории. Войта, ожидавший начальника за своим столом, тотчас же подскочил и направился в его кабинет.

– И что там было?

– В бутылке содержится примесь сульфата морфия. Войдя в соединение с алкоголем, он образует симптомы, сходные с сердечной недостаточностью и может привести к смерти. Всё зависит от концентрации.

– Неужели Морлок – один из трёх его подчинённых? На эту смуглую лапочку даже думать не хочется, так уж она прелестна. Ну и помощник тоже не производит впечатление убийцы. А вот историк – сам себе на уме.

– Первое впечатление часто бывает обманчиво, друг мой. Вы это знаете не хуже меня. Давайте не будем гадать, а лучше с утра наведаемся к мистеру Баркли и хорошенько его спросим.

– Не спорю.

– Тогда пора отдыхать.

– День был длинный, как хвост удава.

– Сегодняшних событий хватило бы и на неделю. До завтра, Вацлав.

– До завтра, шеф.

– Я закрою контору и подышу воздухом.

Войта кивнул и исчез за входной дверью. Клим Пантелеевич неторопливо замкнул кабинет, потом приёмную и, наконец, повернул ключ в замке входной двери.

На улице пахло сырой листвой. Ветер доносил издали гудок паровоза. Витрины магазинов уже зажглись. Окрашенный ализарином чернил вечер опустился на Прагу, придав домам, крышам, и даже реке, сине-зелёный цвет, не свойственный наступившей осени.

В квартире Ардашевых горел свет, и в окне маячила головка Паши. «И всё-таки, я бы не стал жаловаться на судьбу, – мысленно рассудил частный сыщик, – она подарила мне Веронику и Пашу. Да и на хороших людей мне везло больше, чем на плохих. Хотя правильной было бы сказать, что плохих я нахожу сам. Охота на них – моя профессия».

Глава 5

Больница

На набережной Влтавы, в центре чехословацкой столицы, находилась та самая больница, куда и доставили американского банкира. Дорога от детективной сыскной конторы «1777» до дома 847/8 на Франтишку была короткой. Не прошло и четверти часа, как Ардашев и Войта, рассчитавшись с водителем таксомотора, стояли перед зданием больницы. Четырёхэтажное здание, фасадом выходящее на улицу У Милосердных, производило впечатление массивного и добротного строения.

– Смотрите, Вацлав, на фронте какие-то статуи.

– Это святые. Их установили в середине XVIII века. Тогда же здесь появился и анатомический театр. А вообще, условия нахождения в больнице в те времена мало напоминали сегодняшние. Пациенты платили за питание пять крейцеров в сутки, что всего на один крейцер больше, чем тюремное меню.

– А кто не мог оплатить?

– Их лишь трижды в день кормили скудной похлёбкой. И лежали они в коридоре, а не в палатах. Сёстры милосердия и доктора спали вместе с больными. В углу каждой палаты стояла дровяная печь. Как пишут в старых книгах, в коридоре был стол и два стула, на них лежали медицинские инструменты, препараты и вещи дежурного врача. С открытием этой больницы был сделан большой шаг в избавлении горожан от хворей. Не сравнить со средневековьем.

– А как было в те времена?

– Лежали дома. К богатым приходили доктора, а бедноту навещал кто придётся: банщики, цирюльники, пастухи, бабки-знахарки и даже кузнецы.

– А кузнецы, что лечили?

– Они были костоправами. Выправляли переломы конечностей и рвали зубы. Лучше них этого никто не делал.

– Со знахарками понятно, а пастухи от чего врачевали?

– От лёгочной бугорчатки⁹, почечуя¹⁰ и подагры. Применяли бараний жир, травяные настои, пчелиный воск, шерстяные пояса от болей в спине и суставах. Кстати, шеф, местные историки утверждают, что именно в этой больнице в 1847 году доктор Франтишек Селестин Опитц провел первую в Европе ампутацию конечности под общим наркозом с помощью хлороформа.

– Ладно, пойдём внутрь. Вы уж разузнайте, дружище, где нам отыскать американца.

– Не вопрос, шеф. Я тут многих знаю.

И действительно, стоило Войте обратиться к первому попавшему врачу, как их тут же провели в палату, откуда слышалась возмущённая американская речь, которую, как позже выяснилось, никто не понимал. Пахло лекарствами, йодом и карболкой.

Увидев частного детектива, Баркли, сидевший в исподнем на кровати, вскрикнул с радостью:

– Мистер Ардашев! Как хорошо, что вы пришли. Я прекрасно выспался, мне сделали укол, и стало лучше. Помогите отсюда выбраться. Объясните, пожалуйста, этому медику, что у меня много дел, – выпалил длинную тираду банкир, кивая в сторону высокого молодого врача в накрахмаленном белом халате. Из его правого кармана выглядывала слуховая трубка.

Ардашев перевёл.

---

⁹ Лёгочная бугорчатка или лёгочная чахотка – (уст.) туберкулёз лёгких.

¹⁰ Почечуй – (уст.) геморрой.

– Мистер Баркли, ещё несколько часов назад вы находились между жизнью и смертью. Вам вкололи атропин. И потому я бы посоветовал вам получить всё необходимое лечение, – поправив пенсне, проговорил доктор.

Клим Пантелеевич вновь выполнил роль переводчика.

– Поверьте, господа, я себя прекрасно чувствую. Да, мне было плохо. Но теперь всё позади, – настаивал американец.

Ардашев перевёл его слова и, обратившись к врачу, сказал:

– Мне кажется, удержать мистера Баркли в больнице будет непросто.

– Возможно, но он ещё очень слаб, – засомневался эскулап.

– Тогда он сбежит. Вы же не будете удерживать пациента против его воли?

– Хорошо, – поправив очки, согласился врач. Одежда господина Баркли в шкафу № 3 при входе в палату. – Он протянул ключ. – Буду ждать его в комнате № 2. Выпишу сигнатуру.

Не успел частный детектив перевести фразу до конца, как американец, надев сорочку, уже натягивал брюки. Через минуту он уже почти бежал по коридору.

Заметив, что недавний больной миновал комнату под вторым номером, Ардашев сказал:

– Мистер Баркли, давайте зайдём к доктору. Он обещал выписать рецепты микстур.

Американец остановился и спросил:

– А вы приняли моё предложение?

– Да, но с небольшим условием.

– И с каким же именно?

– В Америку я отправлюсь не один. Вам придётся раскошелиться на дополнительную каюту, гостиничный номер и прочие командировочные расходы для моего напарника.

– Это вообще не вопрос.

Клим Пантелеевич повернулся к помощнику и изрёк:

– Позвольте рекомендовать – Вацлав Войта.

Баркли протянул руку:

– Рад знакомству, сэр.

– Взаимно! – ответив на рукопожатие, вымолвил Войта на английском.

– Если я хоть немного разбираюсь в людях, то вы раньше наверняка служили в полиции, курите сигареты и иногда балуетесь алкоголем. Я прав? – прищурился по-охотничьи правый глаз, осведомился банкир.

– Абсолютно! И виски – один из любимых напитков.

– Прекрасно! Главное, нам с вами в нём не захлебнуться, когда поплывём через Атлантику, – сострил американец и вновь повернулся к выходу.

– Но сигнатуру взять всё равно надо, – напомнил Клим Пантелеевич.

– Ах да, простите, совсем забыл.

Не прошло и минуты, как Мистер Баркли, пряча бумажник в карман, вышел от доктора.

Уже на улице, протянув Войте полулист почтовой бумаги, он попросил:

– Не прочтёте ли, что мне начёркал этот высокомерный молодой медикус?

– Так-так, – замаялся сыщик. – Тут названия лекарств на латыни. Думаю, в аптеке разберутся... Ага. Вот и на чешском: «Микстуры и порошки надобно принимать трижды в день, пять дней подряд, а также выпивать на ночь пол-литра молока. Курение и алкоголь во время приёма лекарств сугубо противопоказаны. Жирное, жареное, сладкое и солёное исключить на ближайшие два месяца. Ежедневные прогулки на свежем воздухе не менее часа.

– Позволите? – американец протянул руку.

Войта кивнул и вернул рецепт.

Баркли сложил полулист вдвое, потом вчетверо и старательно разорвав, бросил под ноги. Серые кусочки бумаги, подхваченные осенним ветром точно сухие листья берёзы понеслись и потерялись где-то в конце аллеи.

Миллионер посмотрел на Войту жалостливыми глазами бассет-хаунда и, выуживая из кармана пиджака золотую зажигалку, спросил:

– Сигаретки не найдётся?

Вацлав замялся и взглянул на Ардашева. Возникло неловкое молчание. Клим Пантелеевич махнул рукой.

Войта протянул пачку турецких «Murad».

– Вот и правильно, – улыбнулся американец. – Мой помощник Эдгар Сноу вегетарианец, абсолютный трезвенник и никогда не пробовал табака. Но он ест очень много соли. Любое блюдо или овощ ему кажется недосоленным. Знакомый доктор рассказывал, что избыток соли в организме может привести к мигрени, удару, грудной жабе, болезни почек, потере сна и желудочным коликам. Я же – наоборот: курю, пью, и ем много жирного. Мне угрожают те же самые болезни, что и ему, несмотря на то что я почти ничего не солю. Отсюда вопрос: на кой ляд Эдгар себя мучает? Вот поэтому, когда мы вместе обедаем в ресторане, я всегда прячу от него солонку. – Сделав пару глубоких затяжек, он добавил: – Господа, нам просто необходимо промочить горло хорошим виски. Приглашаю вас в ресторан. Какой здесь лучший?

– «Беранёк» на Виноградах не плох. Там подают отменную рульку, – оживился Войта и проглотил слюну.

– Отлично! Заодно обсудим все детали нашего совместного предприятия по поиску Морлока. А вот и такси, – банкир подал знак водителю, – вперёд!

Глава 6

Угроза

В кабинете следственной тюрьмы на Лубянке следователь читал показания обвиняемого Мяличкина и курил. Заключение сидел напротив, но папиросу ему следователь не предложил. Наконец, представитель большевистского государства поднял голову и сказал:

– А вы, оказывается, большой хитрец. Ловко обошли вопрос своей вербовки Ардашевым. Но это дело поправимое. Я помогу вам. Прошу отвечать на мои вопросы. Итак, где, когда и при каких Ардашев предложил вам работать на белоэмигрантскую разведку?

– Послушайте, Наум Моисеевич, я уже говорил вам, что никакой вербовки не было. Я предан советской власти...

– Попрошу без амикошества, – с нескрываемой злостью прервал арестанта Райцесс. – Для вас я гражданин следователь.

– Но вы же сами прошлый раз сказали, чтобы я обращался к вам по имени отчеству.

– Да, говорил. Но лишь потому, что поверил в вашу искренность и порядочность. А вы, батенька, меня надули. Развели тут мантифолию на уксусе.

Следователь вынул из портфеля уже заполненный бланк протокола допроса и протянул Мяличкину.

– Что это? – проронил сиделец.

– Ваши показания. Я как чувствовал, что вы начнёте вола вертеть. Пришлось потрудиться и самолично набросать допрос. Подписывайте: с моих слов записано верно, мною прочитано. Замечаний и дополнений не имею. Дата сегодняшняя и подпись, рядом – разборчиво – фамилия, имя и отчество.

– Позвольте, я прочту.

– Да уж, потрудитесь, голуба моя.

Подследственный углубился в чтение. Он то возвращался назад к первой странице, то вновь переходил к следующим. Вернув протокол следователю, он спросил:

– Получается, я заранее, имея умысел на нанесение вреда советскому государству, поступил на службу в Региструп?

– Так и есть.

– И мой приказ ликвидатору об устранении горничной «Петербургской гостиницы» в Таллине был продиктован лишь желанием отвести от меня, как агента мирового капитализма, подозрение?

– А разве нет? Какой смысл был убивать её, имитируя самоповешение? Ради чего вы рисковали жизнью своего коллеги, отдавая ему столь бездумный приказ?

– Вы не разбираетесь в нашем ремесле. И я не подпишу этот бред.

– И не надо, – кивнул следователь и вполне миролюбиво выговорил: – Сегодня ночью вашу жену поместят в камеру к уголовникам. Я распоряжусь, чтобы вас держали у двери. Вы всё услышите и даже посмотрите в глазок. А потом туда же приведут дочь. Она ведь уже почти совсем взрослая.

Мяличкин впился глазами в следователя. Лицо арестанта покрылось смертельной бледностью, глаза засверкали от ярости. Он уже представил, как через секунду-другую его пальцы вонзятся в жирную шею Райцесса, и он будет его душить, и душить с удовольствием, наблюдая, как тот сначала захрипит, а потом у него со рта хлопьями пойдёт белая пена и наконец жирный боров начнёт постепенно синеть. Когда станет ясно, что перед ним уже труп, он отбросит покойника на стул, и безжизненная голова ударится о стену. После этого он выкурит одну за другой две папиросы, а затем позовёт выводного конвоира. Наверное, его будут долго бить,

но он уже не будет чувствовать боли, потому что его смерть, возможно, спасёт жену и дочь от позорных мучений. И, скорее всего, у следствия пропадёт к ним интерес, потому уже не будет обвиняемого Мяличкина. Вместо него останется сине-чёрный от побоев труп.

– Что вы на меня так смотрите? – пугливо поднял бровь следователь.

Арестант закрыл лицо руками. Его пальцы побелели.

– Хорошо, – прохрипел он. – Я согласен.

– Так подписывайте же! И закончим на этом.

– Прежде пообещайте, что отпустите супругу и дочь.

– Завтра же они будут на свободе. Даю слово чести.

– Как я это узнаю?

– Вам передадут две записки. Одну от жены, другую – от дочери. Поверьте, мы не кровожадны.

– Надеюсь, это произойдёт раньше, чем меня расстреляют?

– Вашу судьбу решит военный трибунал. Он заседает по средам и пятницам, а сегодня воскресенье... Подписывайте же!

Арестант придвинул к себе протокол допроса. Перо царапало бумагу, будто сопротивлялось, не желая быть соучастником самооговора.

Райцесс поднял подписанный лист, подул на него, чтобы чернила быстрее высохли и довольно заметил:

– А у вас красивая подпись, точно вензель. Она хорошо бы смотрелась на экслибрисе для домашней библиотеки. Вы книголюб?

– Какое это имеет значение?

– Впрочем, вы правы. Вопрос неуместный. Что ж, прощайте, – изрёк следователь, придвинув к подследственному початую пачку «Комсомолки» и коробок спичек. – Возьмите.

Мяличкин молча сунул папиросы в карман и поднялся. Райцесс окликнул конвойного и арестанта увели.

Собрав бумаги, бывший эсер покинул допросную комнату. Он торопился на Знаменскую, 19.

Глава 7

Деловой ужин

Вывеска перед рестораном гласила, что сегодня вечером для гостей выступит известная русская певица Софья Надеждина.

Женский голос постепенно наполнял собой всю надушенную дорогими ароматами залу от входа до самого дальнего столика. Он струился, точно пробившийся наружу родник, превратившийся затем в лесной ручей.

Пианист южной наружности – то ли турок, то ли грек – так вдохновенно играл на фортепьяно, что, казалось, не нажимал, а гладил чёрно-белые клавиши инструмента.

Нью-Йорк окутан голубым туманом,
Была зима, холодный ветер дул.
Стоял мальчишка в старом фраке рваном,
Стоял и пел в блуждающем кругу:

– Подайте, сэр, о мисс, не проходите,
Я вам спою, чем жизнь моя горька,
А у меня лежит больная мама,
Она умрет, когда придет весна.

А в городах большой архитектуры
Стоят роскошные богатые дворцы.
Живут там дети в ласке и культуре,
У них богатые и знатные отцы.

И нипочем им уличные драмы,
Им так легко исполнить свой каприз,
А у меня лежит больная мама,
Подайте сэр, не откажите, мисс.

Замерзли ножки, ручки посинели,
Покрылась снегом белым голова,
Не слышит мать, как в голубом тумане
Звучат последние мальчишкины слова.

– Подайте, сэр, о мисс, не откажите,
Я вам спою, чем жизнь моя горька,
А у меня лежит больная мама,
Она умрет, когда придет весна.

Нью-Йорк окутан голубым туманом,
Была зима, холодный ветер дул.
Лежал мальчишка в старом фраке рваном,
Лежал в снегу, в блуждающем кругу.

Клим Пантелеевич невольно залюбовался красотой исполнительницы. «В ней, – подумал Ардашев, – как говаривал чеховский Астров, было прекрасно всё: и лицо, и одежда, и душа... Правда, насчёт души и мыслей – сомневаюсь. Женская душа, как непроявленная фотографическая пластина. Тешишь себя надеждой, ожидая увидеть прекрасный лик, а вместо него проступают тёмные пятна с бурыми вкраплениями ржавчины на узнаваемом образе. Сначала наивно думаешь, что сам во всём виноват: то ли проявителя недостаточно, то ли с закрепителем перебор, или, может, выдержку на фотоаппарате поставил не ту... И так винишь себя много лет и только к концу жизни понимаешь, что дело было в другом: ты сам придумал себе далёкий от реальности образ. Ты хотел видеть её такой, какой она никогда не была. Мечта не сбылась. Снимок испорчен. И нет душевной гармонии, от которой прекрасными становятся «и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

– Странное дело, – выговорил американец, усаживаясь за стол. – В этой самой России беспорядки, Гражданская война, большевики никак не угомонятся и, несмотря на разруху и голод в своей стране, хотят прибрать к рукам благополучную Польшу... А во всём мире мода на русское. И даже в чешском ресторане звучат русские песни.

– Ничего удивительного, – пояснил Войта, – здесь чаще всего собираются русские эмигранты.

– Тогда понятно. Скажите, о чём поёт эта несчастная и столь очаровательная русская леди, упоминая Нью-Йорк?

– Я попытаюсь перевести первые два куплета, – сказал Ардашев. – Больше, к сожалению, не запомнил:

New York enveloped in blue mist.
It was winter, cold wind blowing,
There was a boy in an old frock coat torn,
Stood and sang in wandering around:

– Apply, sir, Miss, do not pass,
I will sing to us than my life is bitter,
And my mom is sick.
She died when spring comes...

– И она умерла? – осведомился Баркли.

– Да. И мальчик тоже умер.

– Горе, какое горе... – поплёвывая на пальцы, листал меню банкир. – Это правда. Наш мир очень жесток. И я не думаю, что есть большая разница между жизнью в Европе или Америке. Несмотря на национальность, все люди подвержены одним и тем же искушениям, страстям и, как следствие, страданиям.

Появился официант с блокнотом и карандашом. Приняв позу вопросительного знака, он остановился в нерешительности, и глаза спрашивали: «Что будете заказывать, господа?».

– Do you have any whiskey¹¹? – осведомился Баркли по-английски.

Услышав, вероятно, единственное знакомое слово, кельнер покачал головой.

– And cigars¹²? – не унимался американец.

– No¹³, – выдавил из себя ресторанный лакей.

---

¹¹ У вас есть виски? – (англ.).

¹² А сигары? – (англ.).

¹³ Нет – (англ.).

– What a pity¹⁴!

– Не стоит расстраиваться, мистер Баркли, – на ломанном английском начал объяснять Войта, – можно заказать услуги ресторанного посыльного и через четверть часа сюда доставят и виски, и сигары.

– Великолпно! Тогда, мой друг, сделайте одолжение, попросите купить бутылочку «Джонни Уокера» и коробку «Упмана». Прошу вас, выберите любые блюда, которые вам по душе. Я также не откажусь от ваших рекомендаций и с удовольствием попробую чешскую кухню. Виски и сигары будут приятным дополнением к нашему вечеру.

Пока Войта, зная вкусовые пристрастия шефа, делал заказ, Баркли наклонился к Ардашеву и, вынув вечное перо, вывел на салфетке: «\$15000 cash, ок?»¹⁵. Клим Пантелеевич раскрутил свой «Waterman» и дописал: «In advance, tomorrow»¹⁶. Цифры и буквы расплылись, меняя очертания и, превращаясь в кляксы.

– Sure¹⁷, – согласился банкир и скомкал салфетку.

– Ситуация в которой вы оказались, очень серьёзная, – поведал частный детектив. – Вас отравили.

– Как? Чем? – воскликнул американец, подпрыгнув на стуле так, будто ему сунули под нос свежего нашатыря.

– Вчера я провёл химический анализ содержимого бутылки «Джонни Уокера», который вы пили.

– Вы были у меня в номере? – вылупив удивлённо глаза, спросил он.

– Прежде я протелефонировал в отель, чтобы сообщить о принятии вашего предложения, но портье сказал, что вас увезли в больницу. Заподозрив неладное, я поехал в «Де сакс» и поднялся к вам в комнату. Там я встретил знакомого полицейского. Он опрашивал ваших подчинённых и...

– Господи, я совсем забыл о них! Но ничего. Завтра утром соберу всех вместе... Простите, что перебил вас. Пожалуйста, продолжайте.

– В вашем виски содержится сульфат морфия. Взаимодействуя с алкоголем, он мог привести к смерти. Симптомы очень похожи на те, что были у вас.

– Вы хотите сказать, что всезнайка Эдгар, чопорный историк Алан или красотка Лилли плеснули в мой «Джонни Уокер» отраву?

– Я сказал именно то, что сказал: «В вашем виски содержится сульфат морфия». А вот как он там оказался – предстоит выяснить. Действительно, это мог сделать любой из них, но нельзя исключать и сговора. Кроме того, преступником может быть кто-то из персонала отеля и, наконец, добавить сульфат морфия в виски вполне по силам и постороннему злоумышленнику, пробравшемуся в комнату инкогнито. Дождаться, когда вы покинете гостиницу, незаметно проследовать мимо портье, открыть дверь отмычкой и смешать таблетки морфина с виски – проще, чем выкурить сигару. Поверьте.

– Вы упомянули полицейского. Вы не знаете, кто его вызвал?

– Поняв, что вы иностранец, врач скорой помощи решил перестраховаться и протелефонировал в полицию. Полицейстер прислал инспектора, который не нашёл явных признаков отравления, но в больнице вам, на всякий случай, вкололи атропин. Он-то и вытащил вас с того света. Я лично исследовал содержимое бутылки в лаборатории, и потому ошибки быть не может. Таким образом, о причине вашего недомогания осведомлены четверо: вы, я, Войта и преступник.

---

¹⁴ Какая жалость! – (англ.).

¹⁵ 15000 долларов наличными, устраивает? – (англ.).

¹⁶ Авансом, завтра – (англ.).

¹⁷ Sure – конечно; хорошо; ладно; точно; договорились; (англ.).

- Но ведь это невозможно. Морлок в Америке. Как же мог морфин попасть в виски?
- Хороший вопрос.
- Это возможно, если Морлок – один из ваших сотрудников, – высказался Войта.
- Или если он в Праге. И приехал сюда вместе с вами, – добавил Ардашев.
- Да откуда у него деньги на билет, чтобы пересечь Атлантику? – проронил Баркли, удивлённо подняв голову.
- Вы же сами сказали, что отослали ему две тысячи долларов, – напомнил Клим Пантелеевич.
- Верно, я совершенно об этом забыл.
- Неожиданно возник официант. Он откупорил виски, поставил рюмки и, положив на стол коробку «Упмана», застыл в нерешительности.
- Предлагаю скрасить ожидание блюд прекрасным «Джонни Уокером» и сигарами.
- Ардашев и Войта согласно кивнули и, кельнер, разлив по рюмкам виски, удалился.
- «Упман» и «Джонни Уокер» прекрасно дополняют друг друга, – выпустив колечко дыма, вымолвил Войта.
- А вы, господин Ардашев, отказываетесь от сигары? – спросил Баркли.
- Я избавился от этой привычки много лет назад.
- Появился официант с подносом.
- Ну наконец-то, – недовольно проворчал Войта.
- Всё как заказывали, господа: вепрево колено, запечённые свиные рёбрышки в мёде, телячья вырезка под соусом, свиная печень с обжаренным луком и мучным соусом и запечённый карп. Пиво нести?
- Обязательно! Пльзеньское! – велел Войта.
- Даже не знаю с чего начать, – поднял взгляд американец. – Столько всего! Хотя, вепрево колено я уже пробовал. Говорят, здесь хорошо готовят карпа. Вот его и попробую.
- «Хорошо» – не то слово! – выговорил Войта. – Карп восхитительный! В Чехии его обязательно подают на Рождество. Перед этим рыбу специально несколько месяцев подкармливают, чтобы появился жирок. Самые крупные особи вымачивают в тёмном пиве сутки-двое и потом, начинив пассированным луком, морковью и шампиньонами, запекают в сметанно-пивном соусе с лимоном. А две-три чешуйки носят в кошельке. Считается, что они приносят деньги.
- Интересный рецепт, надобно взять на вооружение, – улыбнулся Клим Пантелеевич. – Лет двадцать назад мне пришлось поколесить по странам Магриба¹⁸. Туземцы в тех краях готовят свой улов просто: на подготовленной к жарке рыбе делают косые надрезы на боках. Затем, её поливают смесью воды, лимонного сока, соли и перца. После того, как она пропиталась этим раствором, её смазывают сливочным маслом и запекают. Вкусно и незамысловато.
- Замечательное пиво! – вытирая салфеткой пену с усов, выговорил американец.
- К тому же, пиво и виски – братья, их делают из ячменного солода, – продолжил мысль Войта.
- Отсюда и появилось мнение, что родственные напитки можно смешивать в течение вечера, не опасаясь утреннего похмелья. Это же относится к вину и коньяку. А вот водка и пиво, или водка и вино – враги, поскольку в основе их приготовления лежат совершенно разные материалы. Судя по всему, человеческому организму трудно распознать эту смесь – отсюда и утренние мучения, – вторил помощнику Ардашев.
- О! Очень интересное мнение!
- Кстати, мистер Баркли, а что за письмо вам принесли вчера утром? – осведомился Клим Пантелеевич.

---

¹⁸ Магриб – страны Северной Африки к западу от Египта.

– Письмо? Какое письмо? – удивился банкир.

– То самое, после которого вы, по словам ваших подчинённых, расстроились, прошли в другую комнату и выпили виски. Вам вскоре стало плохо, вы почти потеряли сознание, и пришлось вызывать карету скорой помощи.

– Ах да, коридорный вручил деловое письмо из Америки. – Он покачал головой. – Действительно, я расстроился. Сорвалась выгодная сделка.

– А что было в четвёртом письме Морлока? Вы упоминали, что преступник угрожал Эдгару Сноу, вашему помощнику, не так ли?

– О да! В нём он оценил голову моего помощника в пять тысяч долларов. Оно осталось в Америке... А не выпить ли нам ещё виски, если, как вы сказали, мы можем запросто чередовать пиво и «Джонни Уокера»?

– Почему нет? – просиял Войта. – Я не против.

Опустошив рюмку, Баркли сделал несколько неглубоких затяжек и сказал:

– Мистер Ардашев, завтра утром я проведу небольшое совещание в гостинице, потом обналичу в банке чек и в час пополудни снова навещу вас. Я был бы очень признателен, если бы вы составили небольшое соглашение на поимку Морлока и указали бы там сумму, которую мы с вами уже обсудили. Командировочные расходы отнесите на мой счёт.

– Простите, мистер Баркли, – частный детектив упёрся взглядом в собеседника – сдаётся мне, что вы не совсем верно меня поняли. Я не могу вам обещать изловить Морлока, потому что это зависит не столько от меня, сколько от разного рода обстоятельств. Я могу лишь гарантировать свою безупречную и высокопрофессиональную работу, направленную на изобличение преступника. Наше с вами путешествие может быть далеко не безопасным. И со мной и моим помощником может произойти всё что угодно.

– Ну... – замялся банкир, – вы можете застраховать вашу жизнь. Однако прошу указать в отдельном пункте соглашения, что в случае вашей гибели обязанность по поиску и наказанию злодея перейдёт к мистеру Войте.

Ардашев покачал головой.

– Во-первых, я не суд, чтобы кого-то наказывать, а во-вторых, господин Войта не является стороной договора. Он всего лишь мой помощник.

Баркли развёл в недоумении руками:

– Но какие тогда у меня гарантии, что Морлок меня не прикончит?

– Никаких. Я не телохранитель. Моя задача – попытаться отыскать злоумышленника. Гарантий не может быть ещё и по той причине, что вы с нами не откровенны. – Ардашев поморщился и продолжил: – Знаете, я семь лет проработал адвокатом по уголовным делам. Не проиграл ни одного процесса. Но я защищал тех, в чьей невиновности был абсолютно уверен. Несмотря на это, почти каждый доверитель пытался скрыть от меня те или иные обстоятельства и убедить в том, чего, на самом деле, не было. Кто-то не хотел рассказывать о любовных связях на стороне, кто-то о своих тайных пороках или пристрастиях. Позже эти утаённые факты выплывали наружу как нефтяное пятно. Возникла неловкость в наших взаимоотношениях. Неприятно? Да. Но это можно пережить. Хуже другое: из-за отсутствия полной картины произошедшего я не мог использовать все свои знания и опыт в интересах подзащитного, поскольку был неверно осведомлён о его прежних действиях. Все беды в этом мире от недоговорённостей.

За столом повисло неловкое молчание.

Ардашев допил пиво, промокнул губы салфеткой и сказал:

– Простите, мистер Баркли, но у меня нет желания продолжать полемику. Завтра я пришло в «Де сакс» бутылку виски из вашего номера. Обратитесь в полицию. Наверняка, после химической экспертизы судебный следователь возбудит уголовное дело по факту вашего отрав-

ления. Да и врачи подтвердят диагноз. – Клим Пантелеевич поднялся. – Благодарю за угощение. Честь имею кланяться.

– Да-да, большое спасибо! – вымолвил Войта с тенью сожаления. – Всё было прекрасно! Но нам пора.

– Всего доброго, – задумчиво проронил Баркли, выпуская сигарный дым. Он не поднялся и не подал руки, а лишь кивнул и наполнил рюмку новой порцией виски.

Послышались мажорные фортепьянные аккорды и, на сцену выскочил невысокий, толстоватый куплетист в цилиндре, с красным галстуком-бабочкой, в чёрном фрачном сюртуке и зауженных, клетчатых брюках. Казалось, актёр сошёл с большевистской карикатуры, изображающей буржуев-мироедов в «Окнах РОСТА». Пританцовывая, он запел под незамысловатую мелодию:

Человек пожилой
Очарован женой,
Никаких удовольствий не ищет.
Ну а что же она Эта прелесть жена?
По отелям с любовником рыщет.
...Видно свет уж таков,
Простачков-муженьков
Участь всех нас одна ожидает.
Сколько умных голов
Обратилось в козлов
И с рогами теперь щеголяет!...¹⁹.

Куплетист расхохотался, сделал па и, помахав цилиндром, продолжил веселить публику строчками из старых, когда-то популярных водевилей.

---

¹⁹ «Потребность нового моста через Неву, или Расстроенный сговор». Водевиль в двух отделениях с эпилогом. Неизвестный автор.

Глава 8

Агент

В Москве, в доме № 19 на Знаменской улице, располагалось Регистрационное управление (Региструп) РККА. Первоначально военная разведка находилась на Пречистенке, неподалёку от штаба Красной армии. Но в прошлом году Ленин, внимательно следивший за формированием новой спецслужбы, выразил своё недовольство её местом расположения, поскольку в данном случае ни о какой конспирации не могло быть и речи. Вот тогда начальник Региструпа Семён Арабов и добился переезда всего штата на Знаменскую, 19. Но с августа прошлого года Семён Иванович чаще находился в войсках, чем в столице, и всю оперативную работу за него вели заместители. Оперативными разработками занимались разные отделы, что нередко приводило к конфликтам и неразберихе. И потому в разведывательном ведомстве было решено организовать отдельную структуру – Оперативный отдел, который возглавил Янис Фридрихович Бердин (Кюзас).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.